

ПУШКИН неопровержим и бесспорен, как, может быть, никто из писателей.

Попробуйте опровергнуть или хотя бы подвергнуть сомнению что-либо у Пушкина: исторические факты, на которых основаны те или иные его произведения, или его суждения о литературе, или форму его стиха. Попробуйте обнаружить какое-то несоответствие или хотя бы недостаточную убедительность в созданных им образах. Упрекнуть его в том, что он смеется там, где не смешно, грустит там, где не грустно; что в чем-то он чрезмерно серьезен и философичен, а к предмету серьезному отнесся легкомысленно; что где-то он примитивен, а где-то слишком усложнен, что где-то пренебрегает рифмой, а где-то рисует ее и создает ее не потому, что этого требует содержание, а ради нее самой, чтобы показать, какой он мастер и мастак?

Нет, повсюду Пушкин ясен до конца, повсюду — бесспорен.

Это бесспорность даже не самой литературы, а ее источника. Только источники и бывают так же бесспорны и представляют явление в «чистоте». Это — Античность, а Пушкин в этом смысле был, вероятно, последним представителем античной литературы.

Позже, в процессе дальнейшего развития, выявятся различные направления, тенденции, истолкования и задачи, у источника же задача одна — родиться на свет. Родиться и нести в себе ощущение собственного рождения. Когда-нибудь это ощущение будет утеряно, но только когда-нибудь. ...Является на свет младенец, и это факт единый, нерасщепляемый, и до поры до времени ни одна из проблем его дальнейшего существования, даже его будущее имя, не имеет к нему никакого отношения.

И не потому, что младенец еще неразумен, а потому, что он уже совершил свое главное дело — он явился, он стал существовать:

Эта бесспорность младости и юности сохраняется за Пушкиным, за всей его мудростью и величием, за всем его разнообразием.

Кто такой Пушкин во всем его разнообразии? Реалист?

Романтик? Лирик? Исторический писатель? Сказочник и фольклорист? Критик и литературовед? Просветитель? Бытописатель и социолог? Он — все это и еще многое другое, но все это — поэзия. В то же время, здесь не тот случай, когда, начитавшись поэзии, получив о ней те или иные представления, мы, руководствуясь этими представлениями, судим об отдельном поэте, здесь наоборот — мы по Пушкину судим о том, что такое поэзия.

Сергей ЗАЛЫГИН

Лит. газ. 1979, 6 число, № 3

«Я ЧИСЛЮСЬ ПО РОССИИ»

И если в творчество Пушкина включены и лирика, и история, и сказка, и публицистика, значит, все это свойственно поэзии.

И опять-таки, может быть, что поэзия со времен Пушкина включила в поле своего зренья и своей деятельности что-то еще и еще, но то, что включил в поэзию Пушкин, осталось в ней навсегда. Ничего там не оказалось лишнего, временного, преходящего. Ничего, что оказалось бы ненужным или хотя бы безразличным народу, которому он принадлежал, от которого исходил.

Пушкин еще и потому не только Поэт, но и Поэзия, что он смог выразить духовный потенциал нации, русского общества своего времени.

«Я числюсь по России...»
Народ, создавая духовные ценности и произведения искусства, обладая различными стилями, в то же время никогда не заботится о том, какое направление искусства он создает, какой «изм» поддерживает, а какой отрицает. Он осознает свое творчество как поэзию, а поэзию — как необходимое условие своего бытия. И вот всякого рода направления приходят и уходят, а народное творчество остается и развивается, если уж не как выражение сегодняшнего существования народа, то, по крайней мере, как поэтическая леген-

да о самом себе которую нельзя не сохранить.

Вот и Пушкин: единственная условность его творчества — это условность самой поэзии как целостного явления, а больше ничего — никакие частные направления его как будто бы не касались совершенно.

Одного за другим он постигал байронизм, «шотландского чародея» Вальтера Скотта и гётевского «Фауста», это «величайшее создание поэтического духа», обогащаясь сам и

продолжая прорубать окна в Европу, неизменно заботясь о том, чтобы Россия могла «в просвещении стать с веком наравне». В величайших явлениях литературы Пушкин был, как у себя дома, но свой дом не забывал никогда и все совершал ради него, приобщая к русской природе, культуре и истории не в поисках того или иного направления поэзии, а опять-таки ради поэзии.

И вот от Байрона проистекал байронизм, от Толстого — толстовство, от Пушкина — только поэзия.

Другое дело, что и в нынешнюю пору в спорах различных направлений между собой они могут обращаться к Пушкину, как к третейскому судье, как к авторитету бесспорному, как к Поэзии.

Как к бесстрашному человеческому разуму

Пушкин бесстрашен и героичен, потому что бесстрашной может быть сама мысль.

(Возможен и такой постулат: мысль может быть бесстрашной, и пример тому — Пушкин.)

Он не отступает перед препятствиями на пути осознания того или иного факта современного или исторического, отечественного или иноземного происхождения.

Когда Европа, да и весь цивилизованный мир еще не пришел в себя после шока, нанесенного ему Наполеоном, и,

по существу, еще никто и не пытался мыслить исторически и понять, чем же был Наполеон и наполеоновская Франция, двадцатидвухлетний Пушкин сказал:

И Франция, добыча славы,
Пленный устремил взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.

Вот так: на какую мысль, не практически даже, а лишь в принципе было способно человечество в XIX веке, той мысли, того принципа и высшего предела Пушкин и достигал. И мы все время в той или иной мере, в той или другой интонации, но чувствуем присутствие героической мысли, говоря языком современным, все время ощущаем пушкинскую волю к победе, идет ли речь о Франции, чьи «цепи лаврами обвил» Наполеон, или о том, что «Я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты...».

Эта воля к победе проистекала из того назначения, которое определил для поэзии, а значит, и лично для себя Пушкин:

...Недаром темною стезей
Я проходил пустыню
мира,
О нет, недаром жизнь и лира
Мне были вверены
судьбой!

И действительно, вряд ли кто-либо из поэтов имел для своей страны такое же значение, как Пушкин для России, вряд ли кто-либо другой явился непосредственным родоначальником столь же могучей литературы.

Пушкин неизменно тяготел к образу Петра Первого. Никто так не понимал Петра, так же и мыслью и духом не связывал себя с Петром, так вдохновенно не живописал его:

«...За дело, с богом!»
Из шатра,
Толпой любимцев
окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры,
Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.

Это — перед Полтавской битвой. И это — после нее:

Лирует Петр. И горд,
и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его
прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей,
вождей чужих,
И славных пленников
ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок
подымает.

... что Петр совершил для России как деятель государства, в области духовной и... влиял Пушкин.

Он шире, чем кто-либо другой, распахнул перед Россией двери XIX века, века европейского, а отчасти и американского («Джон Теннер: «С некоего времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих»), и вот России не оставалось ничего другого, как только продолжать в этом веке свой дальнейший путь...

В свое время
...Старик Державин
нас заметил
И, в гроб сходя,
благословил.

Затем, всем своим существованием Пушкин благословил мыслящую и чувствующую Россию, оставил ей завещание, которое, к счастью и к надеждам нашим, не забыто и поныне.

В конце, концов, как гений художественный Пушкин мог совершить все то, что он совершил, обладая безусловной гармонией между словом и смыслом.

Трудно, попросту невозможно представить себе эту гармонию более полной, чем у Пушкина:

О сколько нам
открытий чудных
Готовят просветленья дух
И опыт, сын ошибок
трудных,
и гений, парадоксов
друг,
и случай,
бог изобретатель.

Когда такая гармония достигнута, возникает истинное пророчество, тогда постигнута и логика, и сама природа вещей, тогда и совершается не истолкование какого-то факта или открытия, а само открытие.

И самопостижение, самовыражение поэта тоже осуществлено.

«Все должно творить в этой России и в этом русском языке».

И все — одним дыханием, математически строгой и поэтически совершенной формулой, все опять-таки в той единой красоте слова и мысли, которая не требует какой-либо поддержки со стороны знаков восклицательных, вопросительных или многоточий.

Сказано — и точка.